

VIII. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАССМЕДИЙНОГО ТЕКСТА И ДИСКУРСА

СОВЕТСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (на материале газет «Завтра», «Коммерсантъ», «Известия»)

**Кожемякин Евгений Александрович,
Артамонова Екатерина Сергеевна**

Национальный исследовательский университет «БелГУ» – Россия

В статье рассматриваются различные функции и способы использования советских мифологем в журналистских публикациях в современных российских печатных периодических изданиях. На материале современных газет демонстрируется, что российские массмедиа прибегают к советским мифологемам как в целях десакрализации советского прошлого, использования его в качестве объекта иронии, так и в целях принижения современной общественно-политической ситуации. Это свидетельствует о том, что российские массмедиа до сих пор не выработали общих оценочных и рефлексивных установок относительно советской эпохи.

Ключевые слова: советские мифологемы, советская эпоха, медиадискурс, российские массмедиа.

Последние 20 лет, прошедшие со времени распада СССР, характеризуются динамическими принципиальными изменениями коммуникативной среды россиян. Идеологическая обусловленность дискурсных практик и семантики «публичного языка» уступила место полифонии дискурсов, интерпретаций и смыслов. Формирование открытого общества способствовало широкой деидеологизации русского языка. Тем не менее, в современном общественно-политическом дискурсе по-прежнему частотно цитирование инодискурсивных элементов, обнаруживающих принадлежность к «советскому языку». В этой статье мы рассмотрим особенности использования и степень дифференциации советских мифологем в современных российских изданиях с различными идеологическими позициями и особенностями медиатекстов (газеты «Завтра», «Коммерсантъ», «Известия»). Это поможет нам ответить на вопрос о том, какое отношение к советскому наследию превалирует в современных российских массмедиа и какие языковые инструменты «мифологической машины» открыто или завуалированно все еще функционируют в популярных печатных изданиях.

Сформулируем наши основные допущения. Во-первых, обратимся к феномену мифологического мышления: «Мифологизация означает не причинное объяснение этого явления, а принятие его таковым, каково оно есть, причем принятие его благоговейное, критическое отношение к

которому в мифологии в принципе невозможно. (...) В мифе главное – образы, подчиняющиеся ассоциативной логике, бессознательное, традиция... В мифологии различие между реальностью и видимостью лишено смысла» (5). Одной из наиболее значимых, устойчивых и ярких мифологических систем в XX веке была *советская мифология*, искусственно сформированная в 1920 – 1930-х годах и впоследствии в определенной степени менявшаяся в течение всего периода существования Советского Союза.

В 1930-е гг. (сталинский период советской истории) сформировался новый для того времени тип культуры – массовая культура, и как следствие этого, «старый» публичный дискурс сменился на «новый», массовый, «свой», «советский». Э.Я. Баталов отмечает, что советская идеология могла стать реальностью только при наличии соответствующего общественного сознания, «санкционирующего» своей качественной определенностью все происходящее в стране и выступающего в качестве духовной основы воспроизводства и культа, и всей системы (1, 69).

Фундаментальной мировоззренческой мифологемой XX века являлась мифологема **коммунизма**. Как отмечает Н.А. Купина, ее внедрение в массовое сознание сопровождалось конструированием сценария, имеющего свой хронотоп (*в отдельно взятой стране/ в СССР/ в странах социалистического содружества/ во всем мире; прекрасное будущее/ следующее поколение советских людей будет жить при коммунизме*), субъектную организацию (*строители коммунизма, коммунисты, партия и народ ↔ буржуазия, мировая буржуазия, враги коммунизма*). Данный сценарий также обладал стратегической направленностью (*Наша цель – коммунизм*) и реалистическим пафосом (3, 84). Близка к мифологеме коммунизма мифологема **пути к светлому будущему**, сквозь призму которой «была осмыслена вся история европейского и российского революционного движения и путь культурного, прежде всего промышленного освоения новых территорий, строительства новых дорог, коммуникаций, поселков и городов, предприятий, освоения космоса» (2).

Необходимое предельное напряжение всех социальных сил породило и «трудовые» мифологемы: **трудовой подвиг, передовик, ударник, отличник** и т.д. Так как движение к коммунизму и светлому будущему должно было осуществляться единомышленниками, связанными чувством идейной близости, широко использовались такие мифологемы, как **дружба народов, интернационализм**. А так как «мы», частью которого являлся советский человек, представляло собой массовое общество, отсюда следовала потребность в лидере. «Мифологема **вождя** как трансформированная мифологема культурного героя является главной для любой тоталитарной мифологии», – отмечает С.В. Юрлова (7, 65).

Одной из наиболее фундаментальных черт советской культуры являлся мотив врага и пафос борьбы с ним. В связи с этим одной из наиболее прочно укорененной в массовом сознании мифологемой была мифологема **врага народа**, которыми объявляются «лица, покушающиеся

на общественную, социалистическую собственность» (ч. 2 ст. 131 Конституции СССР 1936 г.).

Показательна в отношении активного появления новых мифологем этой категории эпоха «холодной войны» (1945 – 1991), когда стали интенсивно использоваться мифологемы **загнивающий капитализм, агрессивный американский империализм, вражеское окружение, американская угроза, поджигатели войны** и др. Итак, рассмотрим характер представленности советских мифологем в российских печатных периодических изданиях. Отметим, что в современных газетах с их интересом к интертексту встречается множество советских клише (стилистически окрашенный, устойчивый, готовый к употреблению знак). Перед нами стояла задача различения клише советского языка и советских мифологем. В этом смысле важным отличием мифологем от языковых клише является особый смысловой потенциал первых. Мифологемы клишированы, но при этом они выполняют не столько стилистическую, сколько референтивную функцию: они указывают на (вымышленный) денотат, их использование в тексте связывается с выражением авторского мнения и отношения к референту, они «сообщают» нечто особенное о предмете высказывания. Перечислим основные признаки, по которым мы выделяли советские мифологемы в тексте: клишированность; номинативность (знаковое языковое именование и вычленение фрагментов действительности, определяемых как сверхзначимые или ценные); отнесенность к советскому прошлому; определенный эмоциональный (экспрессивный) заряд.

Советские мифологемы в идеологическом дискурсе газеты «Завтра». Ориентация на Советский Союз, воспроизведение советской идеологии, поиск ответов на актуальные вопросы в прошлом, надежда на возрождение коммунизма, – газета «Завтра» формирует специфическую картину мира, разделяя историю СССР на два периода – «великой державы» времен Ленина и Сталина, которую населяли «люди сверхсознания» (мифологема «**нового советского человека**»), и последующий период, когда «*Советский Союз, раздавленный гниющей бюрократией, уже не был фактором раскрепощения человека*» (№16, 2008).

Основной развиваемый миф – демиургическая деятельность Ленина-Сталина в прошлом. Публикации, посвященные Ленину, словно перепечатаны из советских газет времен апогея его культа: речь идет о выдающихся качествах его личности, исторической значимости основателя советского государства: «*Первое, что бросается в глаза в фигуре Ленина, — тактическая гениальность. (...) Способность быстро, почти мгновенно оценить ситуацию, расставить приоритеты, с железной волей следовать им, продавливая через все и всяческие препятствия, — а потом, увидев, что ситуация поменялась, резко и беспощадно к мешкающим и не понимающим развернуться хоть на 180 градусов и решительно двинуться в новом направлении. (...) Но никакой практический интерес не убивал в нём учёного, не отвлекал от поиска и нахождения истины. Ветер века дул в его паруса: научная истина открывала перед ним дорогу в будущее*» (№16, 2008).

Публикации о Сталине наполнены другим содержанием. Прежде всего, Сталин – вождь победы, народов, создатель великой державы и новой формации – советских людей, обладающих «трехмерным сознанием», продолжатель дела Ленина: *«В чем же притяжение фигуры **Вождя Народов** и почему, даже спустя более полвека, его так и не удаётся окончательно похоронить в народной памяти? Судя по соцопросам, таким телепроектам, как "Имя России" или "Суд времени", **Генералиссимус** и по сей день остается символом не только славного прошлого **великой державы**, но и возможного **светлого будущего** для огромных масс россиян (...) Как был прозорлив президент Франции Шарль де Голль, которому принадлежит высказывание: "**Сталин** не ушел в прошлое. Он растворился в настоящем"»* (№ 21, 2011).

По-прежнему сильна мифологемная оппозиция **«социализм (коммунизм) – капитализм»**. Противопоставление мифологем способно создавать эффект ностальгии: *«Как ни петляла избранная нами в мутные революционные девяностые годы дорожка, а вывела-таки к простой истине: не той она оказалась, совсем не той. Мы всё говорили в старой жизни о "**социализме с человеческим лицом**", старались всем миром, чтобы так оно и было. И ведь получалось! Относились друг к другу — не всегда, но в большинстве своём — по-братски (...). Потому, может, и так приятно смотреть "**старые**" советские фильмы, где у нас действительно человеческие лица, да и поступки, в общем-то, далеки от сегодняшних, от **капиталистических**»* (№ 11, 2011).

Россия, как и Советский Союз, представляется окруженной **врагами**, внутренними и внешними. Мифологема **«враг народа»** имеет мало общего с тем, что она означала в советское время, так как врагами народа называются те, кто «уничтожает и грабит население» – олигархи и чиновники. Однако внешние враги остаются теми же, что и в эпоху «холодной войны», более того, утверждается, что холодная война еще не закончилась: *«Всё это говорит об одном: Холодная война, как мы её знали, не прекратилась в 1991 году. Сегодня она разгорается вновь. Эту войну ведет **Запад** против России. Нынешний кризис — одна из фаз Холодной войны»* (№ 35, 2008).

Мифологема пути к **светлому будущему** употребляется в издании в значении высокой идеи, в которую верили «простые» советские люди и все еще продолжают верить те, кто надеется на возрождение коммунизма: *«Во время так называемого застоя (**эпоху развитого социализма**) от сталинской творческой артели России, созидавшей самую себя, практически ничего не осталось. Она распалась, а вместе с нею распался и народ (...) Партийная верхушка КПСС выродилась в новых господ со спецпривилегиями (...) Коммунистическая идея (построение "**светлого будущего**") была для них уже изначально фикцией, чем-то вроде форменной одежды»* (№ 37, 2008).

Особым образом в газете осмысливается мифологема **дружба народов** (а также **интернационализм**). Авторы не отрицают, что «дружба народов» была, прежде всего, идеологическим постулатом СССР, однако считают, что

она принесла огромную пользу и привела к реальной дружбе народов: *«Литература народов России и бывшего Советского Союза на протяжении многих десятилетий была мощной идеологической силой в борьбе за реальную дружбу народов. Поклон вам, великие народные дипломаты (...) Для ваших земляков ваше веское слово было законом. Ваше слово исходило из понимания национальной идеи великого государства, а идея основывалась на дружбе народов (...) Горжусь своим происхождением из породы поэтов, которые выросли на интернациональном братстве»* (№ 19, 2011).

В издании широко используется мифологема **советского народа** как новой исторической общности, к сплочению которого сегодня призывают со страниц газеты: *«...Прошло 65 лет с того дня... Где Советский Союз? Где Советский Народ, одержавший Ту Победу? (...) Но Советский Народ не уничтожен! Народ нельзя уничтожить! (...) Да здравствует, да воскреснет великий бессмертный Советский Народ!»* (№ 18, 2010).

Наряду с дружбой народов авторы предлагают возродить былое значение **труда** и **трудовых подвигов**. Герои пятилеток, великих строек, **труда** выступают в качестве образцов для подражания: *«Развитие невозможно без того, чтобы опять не вернулся на экраны человек труда, созидатель, мудрец, философ. Человек огромных горизонтов, огромного жизненного опыта, способный на духовный, трудовой, боевой подвиг»* (№22, 2008). Таким образом, являясь носителем советской идеологии, газета «Завтра» оперирует большинством советских мифологем. Они используются для сравнения современной «капиталистической» реальности с социалистической, при этом не в пользу первой. Целью издания видится возвращение советских мифологем в первоизданном виде, напоминание о них, воссоздание духа эпохи и отрицание современной действительности, в которой им уже нет места.

Использование советских мифологем как языковая игра в газете «Коммерсантъ». В газете «Коммерсантъ» активно используются такие советские мифологемы как «**светлое будущее**», «**коммунизм**», «**капитализм**», «**дружба народов**», «**вождь**», «**герой труда**», «**трудовой подвиг**» и др. В издании они лишены своей идеологической подпитки и располагаются на отрицательном полюсе оценочной шкалы. Однако негатив критики «тонет» в удовольствии от языковой игры, которой авторы сопровождают каждую мифологему.

Таково, например, употребление мифологемы **пути к светлому будущему**. С помощью парцелляции, основываясь только лишь на игре смыслов, автору следующего текста удастся активировать целый пласт значений этой мифологемы, появившихся позднее: «**будущее-утопия**», «**пустые обещания**»: *«Личным примером политической сознательности на сограждан воздействовал и президент ПМР Игорь Смирнов, бесценно возглавляющий регион уже 20 лет. Проголосовав, он сообщил, что отдал голос "за народ и его будущее". Разумеется, светлое»* (№230/П, 2010).

В следующем примере эффект легкой иронии и извлечение новых смыслов создаются путем обыгрывания речи респондента: *«Перед началом*

спектакля директор агентства театров танца ЦЕХ Елена Тупысева рассказала о критериях отбора молодых хореографов из Швейцарии, Португалии и Франции (...). Госпожа Тупысева предупредила, что их спектакли могут быть спорными и неоднозначными, но за ними видится **будущее** современного танца. Эти слова не разошлись с танцем Марисы Годой (...) Показалось, что с этим португальским экспериментатором суицид более вероятный исход, чем то **светлое будущее**, про которое вначале говорила госпожа Тупысева» (№130, 2008).

Иллюзорный, утопичный характер в трактовке издания носит мифологема **коммунизма**: «А когда вдруг оказалось, что индекс РТС в 3000 пунктов к концу 2008 года — это такая же утопия, как **коммунизм** к 1980 году, управляющие и НПФ перестали в своих отношениях руководствоваться принципом "**каждому по потребности, от каждого — по способности**"» (№16, 2009). Предметом языковой игры становится сама мифологема: «Пострадавшим пайщикам показали **настоящий коммунизм**» (№169, 2009).

Однако до активного использования советских штампов времен «холодной войны» в отношении капитализма и западных стран не доходит. Высмеивание фильма «Чужие» Юрия Грымова, а заодно и советских мифологем **загнивающий империализм**, **американская демократия** и т.д. происходит в следующей публикации: «Хороши все жанры, кроме скучных, так что и этот не вызвал бы особого протеста, если бы патриотизм не накачивался методом "**от противного**" в славных традициях советского агитпропа, да и тот редко доходил до подобной оголтелости в изображении **загнивающего империализма**» (№206, 2008).

Мифологемы-антропонимы **Сталин** и **Ленин** по-прежнему содержат в своей когнитивной структуре приписываемые политикам атрибуты: Сталин зовется отцом народа, Ленин — вождем мирового пролетариата и т.д., однако это сделано опять же для создания эффекта иронии: «Где-то в середине спектакля она наконец-то поняла, что человек, которого на сцене уже раз двадцать называли Иосифом, не кто иной, как **товарищ Сталин** и что речь идет об **Октябрьской революции**, которую **будущий отец народов** коротал с юной прелестницей Надеждой Аллилуевой» (№72, 2009).

Интересно, что когда мифологема **отец народа** полностью отрывается от личности Сталина, она приобретает другие оттенки значения, вплоть до положительных. Так, заголовок публикации о том, что Рамзан Кадыров стал генсеком Всемирного чеченского конгресса, звучит: «Молодой **отец чеченского народа**» (№191, 2010).

Ленина, в отличие от Сталина, не критикуют: его образ подвергается десакрализации, снижению, что, прежде всего, отражается в заголовках и лидах: «**Владимира Ильича** поздравили венками и клятвами», «Взрыв самодельной бомбы пробил метровое отверстие в плаще бронзового **Ильича** чуть ниже спины», «**Ленин** в разлив».

Иное значение, нежели в советские времена, приобретает мифологема **дружба народов**: «По мере того как **Россия становится все большим**

другом венесуэльского народа и президента Уго Чавеса, все чаще возникает вопрос: "Что Кремлю, собственно, надо в Латинской Америке? "» (№168, 2008).

Мифологема **трудовой подвиг** используется все с той же присущей изданию иронией: *«В убийственном по сложности па-де-де "Диана и Актеон" балерина убрала из коды все вращения, чем обесмыслила свой трудовой подвиг»* (№77, 2008).

В контексте данного издания не могла не потерять вложенного в нее в советские времена значения мифологема **интернациональный долг**: *«"Когда кризис по настоящему ударит по дряхлой белорусской экономике, вот тогда Лукашенко и может обратиться к Москве, а Россия выполнит свой интернациональный долг". Оппозиционер всерьез опасается, что под вопросом может оказаться независимость Белоруссии: "Известно, что российские войска в страну охотнее входят, чем выходят. Ограничится ли их миссия просто учениями?"»* (№166, 2009).

Использование советских мифологем в газете часто связано с намерением автора дистанцироваться от советской эпохи, показать, что она со всеми своими мифами осталась в прошлом. В таком случае он, как правило, прибегает к совокупности мифологем, например: *«В корпусе Бенуа Русского музея открылась выставка "Гимн труду". На ней представлено более двухсот произведений живописи, скульптуры, графики и декоративно-прикладного искусства, посвященных трудовым подвигам советского народа. Проникнутость производственным энтузиазмом попытался СТАНИСЛАВ САВИЦКИЙ»* (№143/П., 2010). Последнее предложение лида, а также заголовок *«Герои труда в залах выставки похожи на исторические окаменелости»* уже задают читателю угол чтения: *«Кураторы экспозиции подчеркивают не карикатурность этого искусства, но его уникальность и эксцентричность, в очередной раз пытаясь привить зрителю пиетет к советской эпохе»*, чего автор публикации, разумеется, делать не стал.

«Коммерсантъ» является одной из немногих газет, в которых повышенное внимание уделяется не только содержанию, но и языку. Поэтому в силу своей противоречивости советские мифологемы представляют для издания огромный интерес. Они используются для создания эффекта иронии, продуцирования новых смыслов. Здесь нет разоблачения; советские мифологемы превратились в настолько безобидные знаки, что над ними можно только посмеяться.

Советские мифологемы как предмет разоблачения и десакрализации в газете «Известия». Исходя из того, что газета является общественно-политической и проправительственной, в ней весьма часто встречаются формулировки мифологем, преподносимые в контексте разоблачения, ведь, как отмечает Е.И. Шейгал, политический дискурс отражает борьбу между теми, кто создает мифы, и теми, кто их разоблачает (6, 140). Особенно это касается большинства советских мифологем, таких как дружба народов, интернационализм, враг народа и др. Авторы не скрывают своего

негативного отношения к советской эпохе и идеологии. Языковая категория оценочности проявляется в газете довольно ярко.

На страницах «Известий» разоблачается миф о **Великой Октябрьской социалистической** революции, говорится о «более не великом октябре», а само это событие носит в газете название **октябрьского переворота**, значение которого оценивается не более и не менее чем «*изменение хода мировой истории*» вместо его советского определения как «*первой в истории победоносной социалистической революции, совершенной в 1917 рабочим классом России в союзе с беднейшим крестьянством под руководством Коммунистической партии*»: «92-ю годовщину **октябрьского переворота** отметили по всей России. Несмотря на то, что 7 ноября уже несколько лет как не красный день календаря, на улицу с флагами или просто погулять вышли люди самых разных возрастов. При любом отношении к октябрьскому перевороту, большевикам и Владимиру Ильичу Ленину лично нельзя не признать, что эти события изменили ход мировой истории» (09.11.09).

Авторы прибегают к собственному толкованию октябрьских событий, чтобы лишить их священного ореола: «Сегодня, в канун 7 ноября, мы вспоминаем **события 1917 года**. Что происходило тогда в России? 3 апреля в воюющую страну въехал вагон, в котором находился человек, открыто призывавший к поражению собственной страны в войне. Этого человека бережно вез неприятель - немец. И удивительным образом Временное правительство, забыв о здравомыслии, пропустило его. Многие надеялись, что с момента свержения царя этот человек изменил свои позиции. Но стоило ему подняться на броневик и произнести с характерной картавинкой свою речь, стало понятно: позиции свои он не изменил. Он по-прежнему требовал поражения собственной страны. Он по-прежнему был за разжигание анархии, по-прежнему – за то, чтобы обрушить только что, месяц назад, созданное и очень робкое Временное правительство, которое пыталось восстановить в воюющей стране хотя бы какой-то порядок. Этим человеком был **Владимир Ленин**» (06.11.09).

Демифологизации подвергаются образы И. Сталина и В. Ленина. Как и в советские времена, авторы рассуждают о личных качествах В. Ленина, однако теперь в текстах появляется отрицательная оценка: «*Надо отдать Ленину справедливость: идея преобразовать отнятые дачи, дворцы и монастыри в рекреационно-лечебные учреждения связана прежде всего не с комфортом советских сановников (сановников в нынешнем понимании тогда и не было еще), а с воспитанием и лечением детей. Не сказать, чтобы **Ильич** так уж сильно любил их, как приписывают ему бесчисленные слезливые мемуары: он вообще никого в собственном смысле не "любил", не понимал вообще, что это такое. Тут был какой-то врожденный порок, эмоциональный дефицит – ненавидеть-то он умел великолепно*» (13.05.11).

В советские времена мифологема-антропоним **Сталин** имела в своем составе исключительно положительные коннотативные и образные характеристики (от «солнце» до «горный орел», от «гениальный учитель» до

«отец»)). В «Известиях» же в состав этой мифологемы входят прямо противоположные этим характеристики: *«Приговоренные каялись и взывали к Сталину как главарю банды – требовали суда "по понятиям"... Может, не к тому Суду взывали? Но и те из "вождей", кто пережил репрессии, все равно будут прокляты вовек – следующими поколениями»* (06.11.09); *«Лично я ненавижу Иосифа Джугашвили – возможно, даже сильнее, чем его ненавидит товарищ Федотов. Я считаю этого человека параноиком и пожирателем народов. И никакая индустриализация или победа в Великой Отечественной его в моих глазах не оправдывает, потому что современные ему правители добивались и того, и другого иными методами»* (24.05.11).

Мифологемы, которыми изобиловала советская пресса времен холодной войны, в газете «Известия» не встречаются, напротив, ведется борьба с их пережитками в сознании людей: *«"Американский заговор" – это один из самых мощных мифов не только в России, но и в мире»* (11.04.11).

Перейдем от врагов внешних к врагам внутренним. Авторы с горечью вспоминают, как лучших людей страны клеймили иностранными шпионами и вредителями: *«Клеймо "враг народа" еще не вошло в обиход, но тюрьмы и лагеря уже были переполнены после многочисленных "дел" рубежа 30-х годов (...). Кровью и потом заключенных возводились величественные стройки социализма (...) В 1940 году Вавилова арестуют как врага народа, иностранного шпиона, и вскоре он погибнет в тюремной больнице от болезней и истощения. Накануне пресловутой коллективизации этот человек думал о том, как накормить страну, не забывшую голода гражданской войны»* (12.10.09).

Ознакомление читателей с этими фактами способствует дискредитации советской идеологии. Но главными мифологемами, которые подвергаются разоблачению, становятся **коммунизм** и **социализм**. Коммунизм изображается как строй, лишенный морально-этической основы: *«Коммунизм по сути есть вера в историческую необходимость, закономерность, ведущая в светлое будущее. Являясь такого рода верованием, он открывал дорогу для массового "бегства от свободы", перекладывая на историческую необходимость бремя выбора и ответственности. Кстати, и химера совести растворялась в ярком свете будущего дня. Учил же Ленин: морально всё то, что способствует победе коммунизма. А способствование определялось линией партии, чертимой корифеем всех наук – Сталиным. Попробуй, уклонись!»* (07.08.09).

Таким образом, публикации в газете «Известия» нацелены на опровержение их в серьезном тоне, отчуждение от них. Издание, видимо, еще не считает, что они ушли в прошлое, и поэтому старается обличить их, показать, что в советской эпохе не было ничего хорошего, убедить читателя, что возвращение к советскому прошлому ни к чему не приведет. Отсутствие на страницах газеты других точек зрения позволяет четко проследить именно эту линию.

Исследование современных российских изданий позволило нам прийти к заключению об отсутствии целостной непротиворечивой позиции в

отношении советских мифологем, формируемой ими. В каждой из газет мифологемы получают различные семантические прибавки. Так, в проправительственных «Известиях» при употреблении мифологем возникает смысловой эффект снижения, десакрализации. В частной газете «Коммерсантъ», нацеленной на деловую аудиторию, наблюдается, в основном, нейтральная эмотивная коннотация и ассоциативная «аура» мифологем, однако фидеистическая оценка и идеологическая коннотация совпадают с позицией газеты «Известия». Возникающий смысловой эффект – ирония. В оппозиционной газете «Завтра» мифологемы советской культуры адаптируются к современной российской культуре или легитимируются за счет дискредитации актуальной общественно-политической и культурной ситуации. Различаются и функции употребления мифологем в каждом из изданий. В газете «Известия» советский миф разоблачается, образы вождей лишаются сакрального ореола, советское получает негативную оценку. «Коммерсант» использует мифологемы в качестве объекта для языковой игры, чтобы с их помощью достичь эффекта иронии и разнообразить язык. Газета «Завтра» прибегает к советским мифологемам с идеологической целью.

Литература

1. Баталов, Э. Перестройка сознания – императив истории / Э. Баталов // Общественные науки. 1988. № 5. С. 65-76.
2. Купина, Н.А. Вербализованные идеи новейшего времени: актуальные тенденции и опознавательные знаки советского идеологического кода / Н.А. Купина ... Материалы научной интернет-конференции. Екатеринбург 28-29 мая 2008 г. – Элект. изд. – Режим доступа к изд: <http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1847/1/Part2+2008-01.pdf>
3. Купина, Н.А. Тоталитарные идеологемы и мифологемы на страницах районных газет Урала / Н.А. Купина // Речевое общение: Вестник Российской Риторической ассоциации. – Красноярск: Красноярский университет, 2006 . Вып. 8 – 9 (16 – 17). – С. 81 – 89. – Элект. изд. – Режим доступа к изд: <http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/1847>
4. Лелеко, В.В. Советская мифология как совокупность мифологем / В.В. Лелеко. – Элект. изд. – Режим доступа к изд: http://www.culturalnet.ru/main/congress_person/57
5. Ростошинский, Е.Н. Структура мифологического мировоззрения / Е.Н. Ростошинский // Сб. в честь 90-летия проф. М. И. Шахновича. – Сер. «Мыслители». – Вып. 8. – Элект. изд. – Режим доступа к изд: http://anthropology.ru/ru/texts/rostosh/misl8_10.html
6. Шейгал Е. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 328 с.
7. Юрлова С.В. Мифологема Москвы в культуре сталинской эпохи / С.В. Юрлова // Известия Уральского государственного университета. – 2008. – № 55. – С. 64-70.